

Чан Сяоцю был бесконечно расстроен и чувствовал себя униженным. Теперь ему было уже не до перепалки с Лю Сюаньанем, и он, устремив на того взгляд, принялся допытываться:

— Почему князь Сяо отправился в мой дом?

— Хэ Жао не только хотела убить тебя, но и замешана в одном старом деле. Князь Сяо расследует его, — ответил Лю Сюаньань. — Так что, если ты действительно не хочешь лишиться ноги, лучше оставайся здесь ещё на месяц.

— Да, молодой господин, — поддержал Чан Сяохань. — Раз князь Сяо уже в бюро, он наверняка раскроет господину Чану истинное лицо Хэ Жао. Не обязательно делать это лично нам, лучше сначала ногу вылечить.

А Чан Сяоцю всё лился и лился сожалениями. Лился он примерно с той же неиссякаемостью, что и воды Хуанхэ, что с небес текут. Знай он заранее, чем всё обернётся, ни за что не отправился бы в это сопровождение. Не отправься он — сейчас был бы рядом с отцом, да ещё и князя Сяо своими глазами увидел.

Эх.

Чан Сяохань хорошо понимал своего молодого господина и, видя его угрюмое молчание, спросил за него:

— Вы, кажется, в хороших отношениях с князем Сяо?

Лю Сюаньань ответил:

— Да, можно сказать.

Чан Сяохань продолжил:

— А князь Сяо, после того как разберётся с тем старым делом, вернётся ли в Помесье Белого Журавля?

Лю Сюаньань, вспомнив о двух только что купленных кувшинах хорошего вина, с удовольствием кивнул:

— Вернётся.

— Мой молодой господин всегда восхищался князем Сяо, — продолжил Чан Сяохань. — Не могли бы вы оказать услугу и, когда князь Сяо будет в гостях в Помесье Белого Журавля, устроить так, чтобы мы хоть издали на него взглянули?

Лю Сюаньань поделился своими планами:

— Князь Сяо приедет в Город Белого Журавля, чтобы выпить со мной и погулять по городу. Тогда и устраивать ничего не придётся — выйдете на улицу, и всякий сможет его увидеть.

Чан Сяохань обрадовался:

— Тогда и вовсе прекрасно.

Чан Сяоцю тоже вспыхнул от волнения, и даже Лю Сюаньань стал глядеться ему куда приятнее. После ухода того он велел Чан Сяоханю прокатить себя на коляске по улицам, чтобы

повсюду расспрашивать людей и беседовать. В результате насобирал целую кучу невероятных историй про второго господина Лю, включая, но не ограничиваясь: ленью переписывать книги, ленью жениться на принцессе, ленью говорить, ленью ходить и даже ленью есть, предпочитая целыми днями валяться в постели и размышлять, как бы прожить на одном северном ветре да росе.

Чан Сяохань слушал и немел от изумления.

Чан Сяоцю же был непоколебим и одним махом разгадал, что Лю Сюаньбань — величайший мастер, сокрывшийся от мира среди людей. А довод таков: даже князь Сяо готов специально навестить его, лишь бы вместе выпить да по городу пройтись. Разве это не доказательство?

Так сей молодой хозяин Бюро сопровождения «Ваньли», движимый лишь слепым обожанием князя Сяо, стал в Городе Белого Журавля вторым после А-Нина человеком, прозревшим истину.

Юноша, да ты подаёшь надежды.

Отец же сего юноши в тот момент чувствовал, что надежды его не то что малы — вовсе мрачны. Вернее, вся жизнь его казалась ему мрачной.

Он думал, что жена пройдёт с ним рука об руку до седины, а она не только сына убить задумала, но и с чужаками сговорилась, чтобы имущество его отнять. Снести такой удар он не мог, хотя, надо сказать, на его чувства всем было решительно наплевать. Хэ Жао же продолжала признаваться: когда Фэн Сяоцзинь только попал в горы, тот случайно сорвался с обрыва и повис на кривом старом дереве. Это она его спасла.

Чэн Суюэ спросила:

— Так он остался тебе должен?

— Да, — кивнула Хэ Жао. — Молчалив он был, но слово держал. Даже когда ушёл без прощанья, потом специально письмо прислал, сказав: когда захочешь этот долг вернуть — ищи меня на руднике в юго-западном Городе Цуйли.

— Он всё ещё там?

— Нет. По его словам выходило, будто он собирается в Город Белого Журавля.

— В Город Белого Журавля? — переспросила Чэн Суюэ. — Заболел, что ли?

— Должно быть, — нерешительно ответила Хэ Жао. — Не знаю, какую зловещую технику он практиковал, но лицо у него осталось, как в пятнадцать-шестнадцать, и голос словно у отрока. Только свет он будто боится, маску всегда носит.

Гао Линь привёл с улицы художника и велел тому нарисовать облик Фэн Сяоцзиня со слов Хэ Жао.

— Черты лица у него были прекрасные, глаза кверху подняты, точно у лисы, — припоминала Хэ Жао. — Самой соблазнительной и страстной красавице до них не дотянуть. Но взгляд всегда был ледяным.

Чэн Суюэ наблюдала, как художник выводит тонкие линии: глаза лисьи, губы тонкие, алые,

станом высок и строен, одежду предпочитал чёрную.

Резня в усадьбе Тан случилась тринадцать лет назад. Тогда Фэн Сяоцзиню было лет пятнадцать-шестнадцать. Сейчас ему под тридцать, мастерство возросло, а облик не изменился — прямо-таки написано у него на лбу: «Путь неправедный».

— Ваше Высочество, каков наш следующий шаг?

— В Город Белого Журавля.

В Поместье Белого Журавля Города Белого Журавля Лю Сюаньань, едва открыв глаза, увидел у кровати родного отца — и тут же их закрыл. Не вижу, не слышу, в покое и небытии пребываю.

Лю Фушу горько пожалел, что не прихватил с собой палку.

— Господин, господин, перестаньте спать! — А-Нин принялся его трясти изо всех сил. — Господин управляющий с важным делом к вам!

Лю Сюаньаня от тряски чуть не вырвало. Пришлось, закутавшись в одеяло, сесть, но с кровати не слезать. Глаза сонные, так и норовят снова сомкнуться.

Лю Фушу, привыкший к сему полумёртвому лентяйскому облику, постарался сохранить душевное равновесие и изрёк:

— Завтра с утра пораньше отправляйся с дядей на большую дорогу — раздавать отвар от зноя и морового поветрия.

Дело то было нелёгкое, и он действительно хотел, чтобы сынок помучался, а не только спал да вино пил. Живёшь на свете — хоть капельку полезного сделай! Лю Сюаньань, впрочем, не возражал. Хотя и хотелось бы объяснить родному отцу, что в Поместье Белого Журавля учеников — тысячи, любой может отвар раздавать, не он один, но спать в тот момент хотелось куда сильнее, чем говорить. Посему он выбрал кратчайшее «Угу» и повалился навзничь, дабы продолжить сон.

Лю Фушу: Я сейчас лопну.

На следующее утро он явился в Водный павильон с палкой и выгнал негодного отпрыска вон.

Лю Сюаньань взвалил на спину корзину и, смешавшись с учениками, поплёлся под палящим солнцем, обливаясь потом. На голову ему ещё и шляпу большую нахлобучили — лицо прикрыть, чтобы городские девицы, как в прошлый раз, не сбежались глазеть, да дорогу не перегородили.

Раздача отвара от зноя, как и раздача похлёбки, дело благое. Ученицы Поместья Белого Журавля руки мастеровые нашли — наделали прохладительных леденцов, мази от мошкары, всё даром раздавать. Шли они с полмесяца, пока не достигли перекрёстка путей, где юг с севером сходится. На ближней полянке палатку поставили.

Дело это для Поместья Белого Журавля привычное: летом от зноя отвар раздают, зимой печь ставят, суп с бараниной да перцем варят, путникам помогают. Так что все знали, что к чему. Кроме Лю Сюаньаня. Старшим был его дядя. Увидев, как драгоценный племянник полдня с одной палаткой возится, отослал того лекарства таскать — чтоб не поранился случайно, на гвоздь напоровшись.

Лю Сюаньань согласился, палатку на землю положил, огляделся — а таскать-то человек десять уже набралось. Не очень-то он и нужен.

Посему он неспешно прогулялся до места тихого, чистого да прохладного и снова возлёг.

А-Нин: «Эх, так я и знал».

Лю Сюаньань спал славно, а проснувшись, чувствовал себя свежо и бодро. С наслаждением огляделся:

— Который час?

А-Нин ответил:

— Час шэнь.

Лю Сюаньань удивился:

— Всего час прошёл? Значит, можно ещё поспать.

— Нет! — А-Нин в отчаянии ухватил его. — Не час вы проспали, а день, ночь да ещё час сверху!

За то время многие купцы да путники, получив отвар, с любопытством и участием спрашивали: а кто это там в дальней палатке лежит? Не шелохнётся — не заболел ли?

Ученики Поместья Белого Журавля не могли же прямо сказать: «Да это наш второй господин, лентяй, спит», — отговаривались туманно: «Не, не заболел. Устал сильно, вот и прилёг отдохнуть».

— До такой степени устал? — все проникались сочувствием и почтением и начинали говорить тише. Как раз рядом оказалась группа тётушек, что с гостинцами к родне шли. Услыхав такое, они повытаскивали из узелков съестное и настойчиво просили передать тому молодому господину, что с ног свалился от усталости, — пусть тело подкрепит.

<http://bllate.org/book/16268/1464245>